

Камень, Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!

Камень, Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам

х х х

Дано мне тело -- что мне делать с ним ,

Таким единым и таким моим ?

За радость тихую дышать и жить

Кого, скажите, мне благодарить?

Я и садовник , я же и цветок ,

В темнице мiра я не одинок .

На стекла вечности уже легло

Мое дыханiе, мое тепло.

Запечатлется на нем узор ,

Неузнаваемый с недавних пор .

Пускай мгновениа стекает муть -

Узора милаго не зачеркнуть.

1909.

Silentium.

Она еще не родилась,

Она и музыка и слово,

И потому всего живого

Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,

Но, как безумный, светел день

И пены бледная сирень

В мутно-лазоревоm сосуде.

Да обретут мои уста

Первоначальную немоту -

Как кристаллическую ноту,

Что от рождениа чиста.

Останься пеной, Афродита,

И слово в музыку вернись,

И сердце сердца устыдись,

С первоосновой жизни слито.

1910.

х х х

Невыразимая печаль

Открыла два огромных глаза,

Цветочная проснулась ваза

И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена

Истомой -- сладкое лекарство!

Такое маленькое царство

Так много поглотило сна.

Немного красного вина,

Немного солнечного мая -

И потянулась, оживая,

Тончайших пальцев белизна...

1909.

х х х

Медлительнее снежный улей,

Прозрачнее окна хрусталь

И бирюзовая вуаль

Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,

Изнеженная лаской света,

Она испытывает лето,

Как бы не тронута зимой.

И, если в ледяных алмазах

Струится вечности мороз ,

Здесь -- трепетаніе стрекоз

Быстроживущих , синеглазых ...

1910.

х х х

Смутно-дышащими листьями

Черный ветер шелестит ,

И трепещущая ласточка

В темном небе круг чертит .

Тихо спорят в сердце ласковом ,

Умирающем , моем ,
Наступающія сумерки
С догорающим лучом .
И над лесом вечерющим
Встала медная луна;
Отчего так мало музыки
И такая тишина?

1911.

х х х

Отчего душа так певуча,
И так мало милых имен ,
И мгновенный ритм -- только случай,
Неожиданный Аквилон ?

Он подымет облако пыли,
Зашумит бумажной листвою
И совсем не вернется -- или
Он вернется -- совсем другой...

О, широкій ветер Орфея,
Ты уйдешь в морские края -
И, не созданный мир лелея,
я забыл ненужное "я".

я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот ...
Неужели я настоящій,
И действительно смерть придет ?

1911.

х х х

Быть может , я тебе не нужен ,
Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин ,
я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;

Но ты полюбишь, ты оценишь

Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризю своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей;
И хрупкой раковины стены,-
Как нежилого сердца дом,-
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем ...

1911.

х х х

Скудный луч, холодной мерою,
Сеет свет в сыром лесу.
Я печаль, как птицу серую,
В сердце медленно несую.
Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
С колокольни отуманенной
Кто-то снял колокола.
И стоит осиротелая
И немая вышина -
Как пустая башня белая,
Где туман и тишина...
Утро, нежностью бездонное,
Полу-явь и полу-сон -
Забвенье неутоленное -
Дум туманный перезвон ...

1911.

х х х

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
"Господи!", сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.
Божье имя, как большая птица,

Вылетело из моей груди...

Впереди густой туман клубится,

И пустая клетка позади...

1912.

Змей.

Осенний сумрак -- ржавое железо

Скрипит , поет и раз едает плоть;

Что весь соблазн и все богатства Креза

Пред лезвием твоей тоски, Господь!

Я как змеей танцующей измучен

И перед ней, тоскуя, трепещу;

Я не хочу души своей излучин

И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавых отрицаний

Распутывать извилистый клубок ;

Нет стройных слов для жалоб и признаний,

И кубок мой тяжел и неглубок .

К чему дышать? На жестких камнях пляшет

Больной удав , свиваясь и клубясь;

Качается и тело опояшет ,

И падает , внезапно утомясь .

И бесполезно накануне казни,

Видением и пеньем потрясен ,

Я слушаю, как узник без боязни,

Железа визг и ветра темный стон !

1910.

х х х

Сегодня дурной день:

Кузнечиков хор спит ,

И сумрачных скал сень -

Мрачней гробовых плит .

Мелькающих стрел звон

И вещей ворон крик ...

Я вижу дурной сон ,

За мигом летит миг .
явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клеть,
И яростный гимн грянь -
Бунтующих тайн медь!
О, маятник душ строг -
Качается глух , прям ,
И страстно стучит рок
В запретную дверь к нам ...
1911.

Пешеход .
я чувствую непобедимый страх
В присутствіи таинственных высот ,
я ласточкой доволен в небесах ,
И колокольни я люблю полет !
И, кажется, старинный пешеход ,
Над пропастью, на гнущихся мостках ,
я слушаю -- как снежный ком растет
И вечность бьет на каменных часах .
Когда бы так ! Но я не путник тот ,
Мелькающій на выцветших листах ,
И подлинно во мне печаль поет ;
Действительно лавина есть в горах !
И вся моя душа -- в колоколах -
Но музыка от бездны не спасет !
1912.

х х х
Нет , не луна, а светлый циферблат
Сіяет мне, и чем я виноват ,
что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь;
Который час , его спросили здесь -
А он ответил любопытным : вечность!
1912.

х х х

я ненавижу свет

Однообразных звезд .

Здравствуй, мой давний бред , -

Башни стрельчатой рост !

Кружевом камень будь

И паутиной стань:

Неба пустую грудь

Тонкой иглою рань .

Будет и мой черед -

Чую размах крыла .

Так -- но куда уйдет

Мысли живой стрела?

или свой путь и срок

я, исчерпав , вернусь:

Там -- я любить не мог ,

Здесь -- я любить боюсь...

1912 .

Казино .

я не поклонник радости предвзятой,

Подчас природа серое пятно, -

Мне в опьяненьи легком суждено

Изведать краски жизни небогатой.

Играет ветер тучею косматой,

Ложится якорь на морское дно,

и бездыханная, как полотно,

душа висит над бездною проклятой.

Но я люблю на дюнах казино,

Широкій вид в туманное окно

и тонкій луч на скатерти измятой;

и, окружен водой зеленоватой,

когда, как роза, в хрустале вино -

люблю следить за чайкою крылатой!

1912 .

Царское Село.

Георгию Иванову.

Поедем в Царское Село!

Свободны, ветренны и пьяны,

Там улыбаются уланы,

Вскочив на крепкое седло...

Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,

А на деревьях -- клочья ваты,

И грянут "здравія" раскаты

На крик -- "здорово, молодцы!"

Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,

Где однодумы-генералы

Свой коротают век усталый,

Читая "Ниву" и Дюма...

Особняки -- а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.

В стеклянном павильоне свита!..

И, саблю волоча сердито,

Выходит офицер, кичась:

Не сомневаюсь -- это князь...

И возвращается домой -

Конечно, в царство этикета,

Внушая тайный страх, карета

С мощами фрейлины седой,

Что возвращается домой...

Золотой.

Целый день сырой осенній воздух

Я вдыхал в смятенье и тоске;

Я хочу поужинать, -- и звезды

Золотыя в темном кошельке!

И дрожа от желтого тумана,

Я спустился в маленькій подвал ;

Я нигде такого ресторана
И такого сброда не видал !
Мелкие чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавком щупает червонцы
Человек -- и все они пьяны.
Будьте так любезны, разменяйте,
Убедительно его прошу -
Только мне бумажек не давайте, -
Трехрублевок я не выношу!
Что мне делать с пьяною оравой?
Как попал сюда я, Боже мой?
Если я на то имею право -
Разменяйте мне мой золотой!
1912.

Старик .
Уже светло, поет сирена
В седьмом часу утра.
Старик , похожий на Верлена, -
Теперь твоя пора!
В глазах лукавый или детский
Зеленый огонек ;
На шею нацепил турецкий
Узорчатый платок .
Он богохульствует , бормочет
Несвязные слова;
Он исповедоваться хочет -
Но согрешить сперва.
Разочарованный рабочий
Иль огорченный мот -
А глаз , подбитый в недрах ночи,
Как радуга цветет .
Так , соблюдая день субботний,
Плетется он -- когда

Глядит из каждой подворотни

Веселая нужда;

А дома -- руганью крылатой,

От ярости бледна,-

Встречает пьяного Сократа

Суровая жена!

1913.

Петербургскія строфы.

Н. Гумилеву.

Над желтизной правительственных зданій

Кружилась долго мутная метель,

И правовед опять садится в сани,

Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке

Зажглось каюты толстое стекло.

Чудовищна -- как броненосец в доке -

Россія отдыхает тяжело.

А над Невой -- посольства полуміра,

Адмиралтейство, солнце, тишина!

И государства крепкая порфира,

Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза севернаго сноба -

Онегина старинная тоска;

На площади Сената -- вал сугроба,

Дымок костра и холодок штыка...

Черпали воду ялики, и чайки

Морскія посещали склад пеньки,

Где, продавая сбитень или сайки,

Лишь оперные бродят мужики.

Летит в туман моторов вереница;

Самолюбивый, скромный пешеход -

Чудак Евгеній -- бедности стыдится,

Бензин вдыхает и судьбу клянет !

1913.

х х х

В душном баре иностранец ,
я нередко, в час глухой,
Уходя от тусклых пьяниц ,
Становлюсь самим собой.

Дев полуночных отвага
и безумных звезд разбег ,
да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлег .

Кто, скажите, мне сознание
Виноградом замутит ,
Если явь -- Петра создание,
Медный всадник и гранит ?
Слышу с крепости сигналы,
Замечаю, как тепло.

Выстрел пушечный в подвалы,
Вероятно, донесло.
И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы -
Звезды, трезвая беседа,
Ветер западный с Невы...

1913.

Лютеранин .

Я на прогулке похороны встретил
Близ протестантской кирхи, в воскресенье.
Разсеянный прохожий, я заметил
Тех прихожан суровое волнение.
Чужая речь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сияла,
Да мостовая праздничная глухо
Ленивые подковы отражала.

А в эластичном сумраке кареты,
Куда печаль забилась, лицемерка,
Без слов , без слез , скупая на приветы,

Осенних роз мелькнула бутоньерка.
Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пешком заплаканныя дамы,
Румянец под вуалью, и упорно
Над ними кучер правил вдаль, упрямый.
Кто б ни был ты, покойный лютеранин ,
Тебя легко и просто хоронили.
Был взор слезой приличной затуманен ,
И сдержанно колокола звонили.
И думал я: витійствовать не надо.
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим , как свечи.
1912.

Айя-Софія.

1.

Айя-Софія -- здесь остановиться
Судил Господь народам и царям !
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи подвешен к небесам .

2.

И всем пример -- года гстиніана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила ?фесская Діана
Сто семь зеленых мраморных столбов .

3.

Куда-ж стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок ,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток ?

4.

Прекрасен храм , купающійся в міре,
И сорок окон -- света торжество;
На парусах под куполом четыре

Архангела прекраснее всего.

5.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет ,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот .

1912.

Notre Dame.

1.

Где римский судья судил чужой народ -
Стоит базилика, -- и радостный и первый,
Как некогда Адам , распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый легкий свод .

2.

Но выдает себя снаружи тайный план !
Здесь позаботилась подпружных арок сила,
Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран .

3.

Стихийный лабиринт , непостижимый лес ,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом -- дуб и всюду царь -- отвес .

4.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра, -
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам .

1912.

О. Мандельштам . Tristia. Petropolis, Петербург - Берлин , 1922.

Настоящее издание отпечатано в количестве трех тысяч экземпляров . Из них сто нумерованных .

Обложка и марка работы М. В. Добужинского. Отпечатано в типографии Зинабург и Ко. в Берлине в 1922 году для издательства "Петрополис ".

х х х

-- Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела среди моего позора!
-- Будет в каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеют от стыда,
.....
.....
И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет .
-- О, если б ненависть в груди моей кипела -
Но, видите, само признание с уст слетело.
-- Черным пламенем Федра горит
Среди белаго дня.
Погребальный факел горит
Среди белаго дня.
Бойся матери, ты, Ипполит :
Федра -- ночь -- тебя сторожит
Среди белаго дня.
-- Любовью черною я солнце запятнала
Смерть охладит мой пыл из чистаго фїала...
-- Мы боимся, мы не смеем
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеем
На него напала ночь .
Мы же, песнью похоронной
Провожая мертвых в дом ,
Страсти дикой и безсонной
Солнце черное уйдем .
1916
Зверинец .
1
Отверженное слово "мир "
В начале оскорбленной эры;

Светильник в глубине пещеры
И воздух горных стран -- эфир ;
?фир , которым не сумели,
Не захотели мы дышать.
Козлиным голосом , опять,
Поют косматыя свирели.

2

Пока ягнята и волы
На тучных пастбищах водились
И дружелюбные садились
На плечи сонных скал орлы, -
Германец выкормил орла,
И лев британцу покорился,
И галльскій гребень появился
Из петушинаго хохла.

3

А ныне завладел дикарь
Священной палицей Геракла,
И черная земля изсякла,
Неблагодарная, как встарь.
Я палочку возьму сухую,
Огонь добуду из нея.
Пускай уходит в ночь глухую
Мной всполошенное зверье.

4

Петух , и лев , темно-бурый
Орел , и ласковый медведь -
Мы для войны построим клеть,
Звериные пригреем шкуры.
А я пою вино времен ,
Источник речи италійской,
И, в колыбели праарійской,
Славянскій и германскій лен .

5

Италія, тебе не лень
Тревожить Рима колесницы,
С кудахтаньем домашней птицы
Перелетев через плетень?
И ты, соседка, не взыщи:
Орел топорщится и злится.
Что, если для твоей пращи
Тяжелый камень не сгодится?

6

В зверинце заперев зверей,
Мы успокоимся надолго,
И станет полноводней Волга,
И рейнская струя светлей.
И умудренный человек
Почтит невольно чужестранца,
Как полубога, буйством танца,
На берегах великих рек !

1916

х х х

В разноголосице девического хора
Все церкви нежныя поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенскаго собора
Мне брови чудятся, высокія, дугой.
И с укрепленнаго архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала,
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное -- Флоренція в Москве.
И пятиглавые московскіе соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне -- явленіе Авроры,

Но с русским именем и в шубке меховой.

1916

х х х

На розвальнях , уложенных соломой,
Едва прикрытые рогожей роковой,
От Воробьевых гор до церковки знакомой
Мы ехали огромною Москвой.

А в Угличе играют дети в бабки,
И пахнет хлеб , оставленный в печи.

По улицам меня везут без шапки,
И теплятся в часовне три свечи.

Не три свечи горели, а три встречи,
Одну из них сам Бог благословил ,
четвертой не бывать,-- а Рим далече,
и никогда он Рима не любил .

Ныряли сани в черные ухабы,
и возвращался с гульбища народ .

Худые мужики и злыя бабы

Лутили семя у ворот .

Сырая даль от птичьих стай чернела,
и связанные руки затекли.

Царевича везут -- немеет страшно тело,
и рыжую солому подожгли.

1916

Соломинка

I

Когда, соломинка, ты спишь в огромной спальне
и ждешь, безсонная, чтоб , важен и высок ,
Спокойной тяжестью -- что может быть печальней -

На веки чуткія спустился потолок ,

Соломка звонкая, соломинка сухая,

Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,

Сломалась милая соломка неживая,

Не Саломея, нет , соломинка скорей.

В часы бессонницы предметы тяжелее,
Как будто меньше их -- такая тишина -
Мерцают в зеркале подушки, чуть белея,
И в круглом омуте кровать отражена.
Нет, не соломинка в торжественном атласе,
В огромной комнате над черною Невою,
Двенадцать месяцев поют о смертном часе,
Струится в воздухе лед бледно-голубой.
Декабрь торжественный струит свое дыханье,
Как будто в комнате тяжелая Нева.
Нет, не соломинка, Лигейя, умиранье -
Я научился вам, блаженные слова.

II

Я научился вам, блаженные слова,
Ленор, соломинка, Лигейя, Серафита,
В огромной комнате тяжелая Нева,
И голубая кровь струится из гранита.
Декабрь торжественный сияет над Невою.
Двенадцать месяцев поют о смертном часе.
Нет, не соломинка в торжественном атласе
Вкушает медленный, томительный покой.
В моей крови живет декабрьская Лигейя,
Чья в саркофаге спит блаженная любовь,
А та, соломинка, быть может Саломея,
Убита жалостью и не вернется вновь.

1916

х х х

-- Я потеряла нежную камею,
Не знаю где, на берегу Невы.
Я римлянку прелестную жалею -
Чуть не в слезах мне говорили вы.
Но для чего, прекрасная грузинка,
Тревожить прах божественных гробниц?
Еще одна пушистая снежинка

Растаяла на веере ресниц .
И кроткую вы наклонили шею.
Камеи нет -- нет римлянки, увы.
Я Тинотину смуглую жалею -
Девичій Рим на берегу Невы.

1916

х х х

Собирались эллины войною
На прелестный остров Саламин .
Он , отторгнут вражеской рукою,
Виден был из гавани Афин .
А теперь друзья-островитяне
Снаряжают наши корабли.
Не любили раньше англичане
Европейской сладостной земли.
О, Европа, новая ?ллада,
Охраняй Акрополь и Пирей.
Нам подарков с острова не надо,
Целый лес незваных кораблей.

1916

х х х

I

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает .
По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотья,
Но никакія звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд .

II

В Петрополе прозрачном мы умрем ,

Где властвует над нами Прозерпина.
Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем ,
И каждый час нам смертная година.
Богиня моря, грозная Афина,
Сними могучий каменный шлем .
В Петрополе прозрачном мы умрем ,
Здесь царствуешь не ты, а Прозерпина.

1916

х х х

1

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
-- Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы

.....

.....

Где обрывается Россія
Над морем черным и глухим .

2

От монастырских косогоров
Широкій убегает луг .
Мне от владимирских просторов
Так не хотелось на юг ,
Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться -- значит быть беде.

3

Целую локоть загорелый
И лба кусочек восковой.
Я знаю -- он остался белый
Под смуглой прядью золотой.
Целую кисть, где от браслета
Еще белеет полоса.

Тавриды пламенное лето

Творит такія чудеса.

4

Как скоро ты смуглянкой стала

И к Спасу бедному пришла,

Не отрываясь целовала,

А гордою в Москве была.

Нам остается только имя:

Чудесный звук , на долгій срок .

Прими ж ладонями моими

Пересыпаемый песок .

1916

х х х

?та ночь непоправима,

А у вас еще светло.

У ворот Ерусалима

Солнце черное взошло.

Солнце желтое страшнее.

Баю, баюшки, баю,

В светлом храме Іудеи

Хоронили мать мою.

Благодати не имея

И священства лишены,

В светлом храме Іудеи

Отпевали прах жены.

И над матерью звенели

Голоса израильтян .

-- я проснулся в колыбели,

Черным солнцем осіян .

1916

Декабрист

"Тому свидетельство языческой сенат -

Сіи дела не умирают ."

Он раскурил чубук и запахнул халат ,

А рядом в шахматы играют .
Честолюбивый сон он променял на сруб
В глухом урочище Сибири
И вычурный чубук у ядовитых губ ,
Сказавших правду в скорбном мире.
Шумели в первый раз германские дубы,
Европа плакала в тенетах ,
Квадриги черныя вставали на дыбы
На триумфальных поворотах .
Бывало, голубой в стаканах пунш горит ,
С широким шумом самовара
Подруга рейнская тихонько говорит ,
Вольнолюбивая гитара.
Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства,
Но жертвы не хотят слепыя небеса,
Вернее труд и постоянство.
Все перепуталось, и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

1917

Меганом

1

Еще далеко асфodelей
Прозрачно-серая весна,
Пока еще на самом деле
Шуршит песок , кипит волна.
Но здесь душа моя вступает ,
Как Персефона в легкий круг ,
И в царстве мертвых не бывает
Прелестных загорелых рук .

2

Зачем же лодке доверяем

Мы тяжесть урны гробовой
И праздник черных роз свершаем
Над аметистовой водой?
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом ,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон .

3

Как быстро тучи пробегают
Неосвещенною грядой,
И хлопья черных роз летают
Под этой ветреной луной,
И, птица смерти и рыдания,
Влачится траурной каймой
Огромный флаг воспоминанья
За кипарисною кормой.

4

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет
Туда, где с темным содроганьем
В песку зарылся амулет .
Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом ,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон .

х х х

Когда на площадях и в тишине келейной
Мы сходим медленно с ума,
Холодного и чистаго рейнвейна
Предложит нам жестокая зима.
В серебряном ведре нам предлагает стужа
Валгаллы белое вино,
И светлый образ северного мужа
Напоминает нам оно.

Но северные скальды грубы,
Не знают радостей игры,
И северным дружинам любы
Янтарь, пожары и пиры.
Им только снится воздух юга,
Чужого неба волшебство.
-- И все-таки упрямая подруга
Откажется попробовать его.

1917

х х х

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался.
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.
Он говорил: Небес тревожна желтизна,
Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи.
А старцы думали: Не наша в том вина.
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи.
Он с нами был, когда на берегу ручья
Мы в драгоценный лен субботу пеленали
И семисвещником тяжелым освещали
Иерусалима ночь и чад небытия.

1917

х х х

1

Золотистаго меду струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, -- и через плечо поглядела.

2

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки. Идешь -- никого не заметишь.
Как тяжелыя бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса: не поймешь, не ответишь.

3

После чаю мы вышли в огромный, коричневый сад ,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы,
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград ,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.

4

я сказал : Виноград как старинная битва живет ,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке.
В каменистой Тавриде наука ?лады -- и вот
Золотых десятин благородныя ржавыя грядки.

5

Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом , краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме любимая всеми жена,
Не Елена -- другая -- как долго она вышивала.

6

Золотое руно, где же ты, золотое руно -
Всю дорогу шумели морскія тяжелыя волны,
И, покинув корабль, натрудившій в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный.

1917

х х х

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пела Шуберта родная колыбель,
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель.
Старинной песни мiр коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокошующія кроны
С звериной яростью качает царь лесной.
И сила страшная ночного возвращенья,
Та песня дикая, как черное вино.
?то двойник -- пустое привиденье
Безсмысленно глядит в холодное окно.

1918

х х х

Твое чудесное произношенье,
Горячий посвист хищных птиц,
Скажу ль -- живое впечатленье
Каких -то шелковых ресниц .
"Что" -- Голова отяжелела...
"Во" -- ?то я тебя зову.
И далеко прошелестело:
Я тоже на земле живу.
Пусть говорят : любовь крылата.
Смерть окрыленное стократ .
Еще душа борьбой обята,
А наши губы к ней летят .
И столько воздуха, и шелка,
И ветра в шепоте твоём ,
И, как слепые, ночью долгой
Мы смесь безсолнечную пьем .

1918

Tristia

1

Я изучил науку разставанья
В простоволосых жалобах ночных .
Жуют волы, и длится ожиданье,
Последний час веселый городских ,
И что обряд той петушиной ночи,
Когда, подняв дорожной скорби груз ,
Глядели в даль заплаканные очи,
И женский плач мешался с пеньем муз .

2

Кто может знать при слове -- разставанье,
Какая нам разлука предстоит ,
Что нам сулит петушьё восклицанье,
Когда огонь в Акрополе горит ,

И на заре какой то новой жизни,
Когда в сеньях лениво вол жует ,
Зачем петух , глашатай новой жизни,
На городской стене крылами бьет ?

3

И я люблю обыкновенье пряжи,
Снует челнок , веретено жужжит .
Смотри, навстречу, словно пух лебяжий,
Уже босая Делія летит .
О, нашей жизни скудная основа,
Куда как беден радости язык !
Все было встарь, все повторится снова,
И сладок нам лишь узнаванья миг .

4

Да будет так : прозрачная фигурка
На чистом блюде глиняном лежит ,
Как беличья распластанная шкурка,
Склонясь над воском , девушка глядит .
Не нам гадать о греческом ?ребе,
Для женщин воск , что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребій,
А им дано гадая умереть.

1918

Черепаша

1

На каменных отрогах Піэріи
Водили музы первый хоровод ,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили іонійскій мед .
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девическаго лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.

2

Бежит весна топтать луга ?лады,
Обула Сафо пестрый сапожек ,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется перстенок .
Высокій дом построил плотник дюжій,
На свадьбу всех передушили кур ,
И растянул сапожник неуклюжій
На башмаки все пять воловьих шкур .

3

Нерасторопна черепаха-лира,
Едва-едва беспалая ползет ,
Лежит себе на солнышке ?пира,
Тихонько грея золотой живот .
Ну, кто ее такую приласкает ,
Кто спящую ее перевернет ?
Она во сне Терпандра ожидает ,
Сухих перстов предчувствуя налет .

4

Поит дубы холодная криница,
Простоволосая шумит трава,
На радость осам пахнет медуница.
О, где же вы, святые острова,
Где не едят надломленного хлеба,
Где только мед , вино и молоко,
Скрипучій труд не омрачает неба,
И колесо вращается легко.

1919

х х х

1

Идем туда, где разныя науки
И ремесло -- шашлык и чебуреки,
Где вывеска, изображающая брюки,
Дает понятие нам о человеке.
Мужской сюртук -- без головы стремленье,

Цирюльника летающая скрипка
и месмерическiй уют -- явленье
Небесных прачек -- тяжести улыбка...

2

Здесь девушки стареющiя в челках
Обдумывают странные наряды,
и адмиралы в твердых треуголках
Припоминают сон Шехеразады.
Прозрачна даль. Немного винограда,
и неизменно дует ветер свежiй.
Недалеко от Смирны и Богдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

1919

х х х

1

В хрустальном омуте какая крутизна!
За нас сiенские предстательствуют горы,
и сумасшедших скал колючие соборы
Повисли в воздухе, где шерсть и тишина.

2

С всячей лестницы пророков и царей
Спускается орган, святого духа крепость,
Овчарок бодрый лай и добрая свирепость,
Овчины пастухов и посохи судей.

3

Вот неподвижная земля, и вместе с ней
я христианства пью холодный горный воздух,
Крутое Верую и псалмопевца роздых,
Ключи и рубища апостольских церквей.

4

Какая линия могла бы передать
Хрусталь высоких нот в эфире укрепленном,
и с христианских гор в пространстве изумленном,
Как Палестины песнь, нисходит благодать.

1919

х х х

Природа тот же Рим , и отразилась в нем .
Мы видим образы его гражданской мощи
В прозрачном воздухе, как в цирке голубом ,
На форуме полей и в колоннаде роши.
Природа тот же Рим , и кажется опять
Нам незначем богов напрасно беспокоить,
Есть внутренности жертв , чтоб о войне гадать,
Рабы, чтобы молчать, и камни, чтобы строить.

х х х

Только детскія книги читать,
Только детскія думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали возстать.
Я от жизни смертельно устал ,
Ничего от нея не приѐмлю,
Но люблю мою бедную землю,
Оттого что иной не видал .
Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокія темныя ели
Вспоминаю в туманном бреду.

х х х

Вернись в смесительное лоно,
Откуда, Лія, ты пришла,
За то, что солнцу Илліона
Ты желтый сумрак предпочла.
Иди, никто тебя не тронет ,
На грудь отца, в глухую ночь,
Пускай главу свою уронит
Кровосмесительница-дочь.
Но роковая перемена
В тебе исполниться должна.

Ты будешь Лія -- не Елена.
Не потому наречена,
что царской крови тяжелее
Струиться в жилах , чем другой -
Нет , ты полюбишь іудея,
Исчезнешь в нем -- и Бог с тобой.

х х х

О, этот воздух , смутой пьяный,
На черной площади Кремля
Качают шаткіі "мир " смутьяны,
Тревожно пахнут тополя.
Соборов восковые лики,
Колоколов дремучій лес ,
Как бы разбойник без языкіі
В стропилах каменных исчез .
А в запечатанных соборах ,
Где и прохладно, и темно,
Как в нежных глиняных амфорах ,
Играет русское вино.
Успенскій, дивно округленный,
Весь удивленье райских дуг ,
И Благовещенскій, зеленый,
И, мнится, заворкует вдруг .
Архангельскій и Воскресенья
Просвечивают , как ладонь -
Повсюду скрытое горенье,
В кувшинах спрятанный огонь...

х х х

1

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем ,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесем .
В черном бархате советской ночи,

В бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен родные очи,
Все цветут бессмертные цветы.

2

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит ,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит .

Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночи советской помолюсь.

3

Слышу легкой театральный шорох
И девическое "ах " -
И бессмертных роз огромный ворох
У киприды на руках .
У костра мы греемся от скуки,
Может быть века пройдут ,
И блаженных жен родные руки
Легкий пепел соберут .

4

Где то грядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож ;
Заводная кукла офицера;
Не для черных душ и низменных святош ...
Что ж , гаси, пожалуй, наши свечи
В черном бархате всемирной пустоты,
Все поют блаженных жен крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

25 ноября 1920 г.

х х х

На перламутровый челнок
Натягивая шелка нити,

О, пальцы гибкие, начните
Очаровательный урок .
Приливы и отливы рук ,
Однообразныя движенья,
Ты заклинаешь, без сомненья,
Какой-то солнечный испуг ,
Когда широкая ладонь,
Как раковина, пламенея,
То гаснет , к теням тяготея,
То в розовый уйдет огонь .

х х х

От легкой жизни мы сошли с ума.
С утра вино, а с вечера похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о пьяная чума?
В пожатьи рук мучительный обряд ,
На улицах ночные поцелуи,
Когда речныя тяжелеют струи,
И фонари, как факелы, горят .
Мы смерти ждем , как сказочного волка,
Но я боюсь, что раньше всех умрет
Тот , у кого тревожно-красный рот
И на глаза спадающая челка .

х х х

Что поют часы-кузнечик ,
Лихорадка шелестит ,
И шуршит сухая печка,-
?то красный шелк горит .
Что зубами мыши точат
Жизни тоненькое дно,
?то ласточка и дочке
Отвязала мой челнок .
Что на крыше дождь бормочет , -
?то черный шелк горит ,

Но черемуха услышит
И на дне морском простит .
Потому что смерть невинных ,
И ничем нельзя помочь,
Что в горячке соловьиной
Сердце теплое еще.

х х х

Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою,
И ныне я не камень,
А дерево пою.
Оно легко и грубо;
Из одного куска
И сердцевина дуба,
И весла рыбака.
Вбивайте крепче сваи,
Стучите, молотки,
О деревянном рае,
Где вещи так легки.

х х х

Мне Тифлис горбатый снится,
Сазандарій стон звенит ,
На мосту народ толпится,
Вся ковровая столица,
А внизу Кура шумит .
Над Курюю есть духаны,
Где вино и милый плов ,
И духанщик там румяный
Подает гостям стаканы
И служить тебе готов .
Кахетинское густое
Хорошо в подвале пить,
Там в прохладе, там в покое
Пейте вдоволь, пейте двое:

Одному не надо пить.

В самом маленьком духане

Ты товарища найдешь.

Если спросишь Теліани.

Поплывет Тифлис в тумане,

Ты в духане поплывешь.

х х х

Американка в двадцать лет

Должна добраться до Египта,

Забыв Титаника совет ,

Что спит на дне мрачнее крипта.

В Америке гудки поют ,

И красных небоскребов трубы

Холодным тучам отдают

Свои прокопченныя губы.

И в Лувре океана дочь

Стоит , прекрасная, как тополь,

Чтоб мрамор сахарный толочь,

Влезает белкой на Акрополь.

Не понимая ничего,

Читает Фауста в вагоне

И сожалеет , отчего

Людовик больше не на троне.

х х х

Сестры тяжесть и нежность, -- одинаковы ваши приметы,

Медуницы и осы тяжелую розу сосут ,

Человек умирает , песок остывает согретый,

И вчерашнее солнце на черных носилках несут .

Ах , тяжелыя соты и нежныя сети,

Легче камень поднять, чем вымолвить слово -- любить,

У меня остается одна забота на свете,

Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившійся воздух ,

Время вспахано плугом , и роза землю была,

В медленном водовороте тяжелых нежных розы,
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

1920

х х х

1

Я наравне с другими
Хочу тебе служить,
От ревности сухими
Губами ворожить.
Не утоляет слово
Мне пересохших уст,
И без тебя мне снова
Дремучий воздух пуст.

2

я больше не ревную,
Но я тебя хочу,
и сам себя несу я,
как жертву, палачу.
Тебя не назову я
ни радость, ни любовь;
на дикую, чужую
мне подменили кровь.

3

Еще одно мгновенье,
и я скажу тебе:
не радость, а мученье
я нахожу в тебе.
и, словно преступленье,
меня к тебе влечет
искусанный в смятенье,
вишневый нежный рот.

4

Вернись ко мне скорее:
мне страшно без тебя.

Я никогда сильнее
Не чувствовал тебя.
И в полуночной драме,
Во сне иль наяву,
В тревоге иль в истоме –
Но я тебя зову.

1920

х х х

1

Чуть мерцает призрачная сцена,
Хоры слабые теней,
Захлестнула шелком Мельпомена
Окна храмины своей.
Черным табором стоят кареты,
На дворе мороз трещит,
Все космато: люди и предметы,
И горячий снег хрустит.

2

Понемногу челядь разбирает
Шуб медвежьих вороха,
В суматохе бабочка летает,
Розу кутают в меха.
Модной пестряди кружки и мошки,
Театральный легкий жар,
А на улице мигают плошки,
И тяжелый валит пар.

3

Кучера измаялись от крика,
И кромешна ночи тьма.
Ничего, голубка ?вридика,
Что у нас студеная зима.
Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет

Чужеземных арф родник .

4

Пахнет дымом бедная овчина,
От сугроба улица черна.
Из блаженного, певучаго притона
К нам летит бессмертная весна,
Чтобы вечно арія звучала
"Ты вернешься на зеленые луга" -
И живая ласточка упала
На горячіе снега.
Венецiйская жизнь

1

Венецiйской жизни мрачной и бесплодной
Для меня значеніе светло,
Вот она глядит с улыбкою холодной
В голубое дряхлое стекло.

2

Тонкiй воздух , кожи синія прожилки,
Белый снег , зеленая парча,
Всех кладут на кипарисныя носилки,
Сонных , теплых вынимают из плаща.

3

И горят , горят в корзинах свечи,
Словно голубь залетел в ковчег ,
На театре и на праздном вече
Умирает человек .

4

Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины Сатурново кольцо,
Черным бархатом завешенная плаха
И прекрасное лицо.

5

Тяжелы твои, Венецiя, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.

Воздух твой граненый. В спальне тают горы
Голубого, дряхлаго стекла.

6

Только в пальцах роза или склянка,
Адриатика зеленая, прости,
Что же ты молчишь, скажи, венецианка?
Как от этой смерти праздничной уйти?

7

Черный Веспер в зеркале мерцает,
Все проходит. Истина темна.
Человек родится. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна.

1920

х х х

Мне жалко, что теперь зима,
И комаров не слышно в доме,
Но ты напомнила сама
О легкомысленной соломе.
Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода,
Корзиночка на голове –
Или напыщенная ода?
Советовать я не берусь,
И бесполезны отговорки,
Но взбитых сливок вечен вкус
И запах апельсинной корки.
Ты все толкуешь наобум,
От этого ничуть не хуже,
Что делать: самый нежный ум
Весь помещается снаружи.
И ты пытаешься желток
Взбивать разсерженною ложкой,
Он побелел, он изнемог –
И все-таки, еще немножко...

В тебе все дразнит , все поет ,
Как итальянская рулада.

И маленькій вишневый рот
Сухого просит винограда.

Так не старайся быть умней,
В тебе все прихоть, все минута.
И тень от шапочки твоей
Венеціанская баута.

Декабрь 1920

х х х

Вот дароносица, как солнце золотое
Повисла в воздухе -- великолепный миг .
Здесь должен прозвучать лишь греческій язык :
Взять в руки целый мир , как яблоко простое.
Богослуженія торжественный зенит ,
Свет в круглой храмине под куполом в іюле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит .
И Евхаристія, как вечный полдень длится -
Все причащаются, играют и поют ,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселіем струится.

х х х

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигійской нежностью и веткою зеленой.
Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем ,
И руки слабыя ломают перед ней
С недоуменіем и робким упованьем .
Кто держит зеркальце, кто баночку духов ;
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лес безлиственный прозрачных голосов

Сухія жалобы кропят , как дождик мелкій.

И в нежной сутолке не зная, что начать,

Душа не узнает прозрачныя дубравы,

Дохнет на зеркало и медлит передать

Лепешку медную с туманной переправы.

х х х

Возьми на радость из моих ладоней

Немного солнца и немного меда,

Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки,

Не услышать в меха обутой тени,

Не перевозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,

Мохнатая, как маленькія пчелы,

Что умирают , вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,

Их родина дремучій лес Тайгета,

Их пища -- время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикій мой подарок -

Невзрачное сухое ожерелье

Из мертвых пчел , мед превративших в солнце.

Сумерки свободы

1

Прославим , братья, сумерки свободы,

Великій сумеречный год .

В кипящія ночныя воды

Опущен грузный лес тенет .

Восходишь ты в глухіе годы,

О, солнце, судія-народ .

2

Прославим роковое бремя,

которое в слезах народный вождь берет .

Прославим власти сумрачное бремя,

Ее невыносимый гнет .

В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет .

3

Мы в легионы боевые
Связали ласточек , и вот
Не видно солнца, вся стихия
Щебечет , движется, живет ,
Сквозь сети сумерки густыя
Не видно солнца, и земля плывет .

4

Ну что ж , попробуем : огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет . Мужайтесь, мужи,
Как плугом , океан деля,
Мы будем помнить и в летейской стуже,
Что десяти небес нам стоила земля.

x x x

1

На страшной высоте блуждающий огонь,
Но разве так звезда мерцает ?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь,
Твой брат , Петрополь, умирает .

2

На страшной высоте земные сны горят ,
Зеленая звезда летает .
О, если ты звезда,-- воды и неба брат ,
Твой брат , Петрополь, умирает .

3

Чудовищный корабль на страшной высоте
Несется, крылья расправляет .
Зеленая звезда, в прекрасной нищете
Твой брат , Петрополь, умирает .

4

Прозрачная весна над черною Невою

Сломалась. Воск бессмертья тает .

О, если ты звезда -- Петрополь, город твой,

Твой брат , Петрополь, умирает .

Ласточка

1

Я слово позабыл , что я хотел сказать:

Слепая ласточка в чертог теней вернется

На крыльях срезанных с прозрачными играть.

В безпамятстве ночная песнь поется.

2

Не слышно птиц . Бессмертник не цветет ,

Прозрачны гривы табуна ночного,

В сухой реке пустой челнок плывет ,

Среди кузнечиков безпамятствует слово.

3

И медленно растет как бы шатер иль храм ,

То вдруг прикинется безумной Антигоной,

То мертвой ласточкой бросается к ногам

С стигийской нежностью и веткою зеленой.

4

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд .

И выпуклую радость узнаванья,

Я так боюсь рыданья Аонид ,

Тумана, звона и зиянья.

5

А смертным власть дана любить и узнавать,

Для них и звук в персты прольется,

Но я забыл , что я хочу сказать,

И мысль безплотная в чертог теней вернется.

6

Все не о том прозрачная твердит ,

Все ласточка, подружка, Антигона...

А на губах , как черный лед , горит

Стигийского воспоминанье звона.

1920

х х х

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленая нежные губы,
Я должен разсвета в дремучем акрополе ждать.
Как я ненавижу плакучие древние срубы.
Ахейские мужи во тьме снаряжают коня,
Зубчатые пилами в стены вгрызаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня,
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.
Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел !
Зачем преждевременно я от тебя оторвался!
Еще не рассеялся мрак , и петух не пропел ,
Еще в древесину горячий топор не врезался.
Прозрачной слезой на стенах проступила смола,
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ .
Где милая Троя, где царский, где девичий дом ?
Он будет разрушен , высокий приамов скворешник .
И падают стрелы сухим деревянным дождем ,
И стрелы другие растут на земле, как орешник .
Последней звезды безболезненно гаснет укол ,
И серую ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол
На стогах шершавых от долгаго сна шевелится.
декабрь 1920

х х х

Исакій под фатой молочной белизны
Стоит седою голубятней,
И посох бередит седья тишины
И чин воздушный сердцу внятней.
Столетних панихид блуждающей призра'к ,
Широкий вынос плащаницы,

Камень, Tristia. Осип Эмильевич Мандельштам mandelshamjoseph.ru

И в ветхом неводе генисаретскій мрак
Великопостныя седмицы.
Ветхозаветный дым на теплых алтарях
И іерея возглас сирый,
Смиренник царственный: снег чистый на плечах
И одичалыя порфиры.
Соборы вечные Софіи и Петра,
Амбары воздуха и света,
Зернохранилища вселенскаго добра,
И риги новаго завета.
Не к вам влечется дух в години тяжких бед ,
Сюда влачится по ступеням
Широкопасмурным несчастья волчій след ,
Ему вовеки не изменим .
Зане свободен раб , преодолевшій страх ,
И сохранилось свыше меры
В прохладных житницах , в глубоких закромах
Зерно глубокой, полной веры.
1921.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mandelshamjoseph.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!